

Фабрика за пустырем

Фабрика, когда-то недостроенная и давным-давно заброшенная, всегда вызывала крайнее недовольство у жителей поселка, вытесненного на окраину города. Никто из обитателей поселка не сомневался, что за стенами этой фабрики творится что-то неладное.

Заброшенное здание и дома на краю поселка разделял только пустырь, и жители этих домов утверждали, что время от времени своенравный, порывистый ветер с пустыря доносит до их окон жуткие крики. Одни говорили, что место это проклято и напичкано привидениями, потому и не удалось довести фабрику до ума и строительство бросили на полпути. Другие полагали, что фабрика служит прибежищем для какой-нибудь шайки бандитов. Но даже те, которые не были согласны ни с одним из этих мнений, выглядывая в окна поздними вечерами и замечая блуждающие по пустырю в кромешной темноте огоньки, чувствовали легкий озноб страха, бегущий по телу.

И был только один человек во всем поселке, который никогда и словом не обмолвился о том, что он думает обо всех этих странных вещах. Но если бы другие знали то, что знал он, — они пришли бы от этого в ужас.

Этим человеком был старожил поселка — Никанор, хмурый и раздражительный старик, который в прежние времена служил у какого-то важного чиновника. Поговаривали, что на этой службе Никанор зазнался до такой степени, что редко снисходил до разговора с кем-нибудь из своих соседей. Наверное, именно по этой причине Никанор жил в поселке особняком. Он ни к кому в гости не ходил, и его старались избегать. Однако самому Никанору это было только на руку.

Когда вечерами он шел вдоль улиц поселка — всегда в одно и то же время, в одном и том же направлении и непременно держа в руке большую связку ключей, — соседи знали, что идет Никанор на службу: что-то он там сторожил. Никто не знал что и главное — где, но среди тех, кто глядел ему вслед, часто можно было услышать разговор вроде этого:

— Что ни говори, а там, где Никанор сторожить взялся, — мышь не проскочит. Это уж точно.

— Ну не знаю...

— Верно-верно... Ты посмотри только, как связку ключей держит — как клещами ухватился. Коли умрет — и то не разожмет. Так с ключами хоронить и придется.

Если бы Никанор слышал этот разговор, он бы и спорить не стал. Связку эту он почти никогда из рук не выпускал. Он хорошо понимал, что в чужие руки ключи не должны попасть ни в коем случае. И еще ему доставляло удовольствие, что никто из его шушукающихся соседей даже не подозревал, что сторожить

он ходит на ту самую фабрику, о которой так много слухов бродит в поселке.

Каждый вечер своего дежурства Никанор шагал в направлении города, но, доходя до старой свалки, поворачивал обратно и обходными путями подходил к фабрике. На верхних этажах Никанор никогда не бывал, да и не было в этом никакой надобности, потому как, что бы ни происходило в этих стенах, это никогда не поднималось выше подвалов.

В тот день, который смело можно назвать судьбоносным днем для многих участников этой истории, дежурить в подвалах заброшенной фабрики выпало именно Никанору.

Но это был необычный день, хотя далеко не всем об этом было известно. Необычным этот день был для жителей поселка; правда, им так никогда и не довелось этого узнать. Не менее необычным он был для Никанора, которому узнать об этом еще предстояло. А главное — этот день был необычным и, как уже говорилось, судьбоносным для тех, кто был заперт в темных и холодных комнатах подвалов когда-то недостроенной и давным-давно заброшенной фабрики за пустырем, которую ревностно охранял в эту ночь Никанор.

Сидя в темном подвале на деревянной табуретке с шатающимися фигурными ножками, Никанор не мог знать, что в это самое время в поселке все жители до единого загадочным образом впали в глубокий сон.

Телевизоры в гостиных продолжали показывать вечерние новости; где-то на плите выкипал чайник и раздавался свист на всю кухню;

из закрытой пробкой раковины с плеском выбежала на пол вода; громко лаял пес, который, вернувшись с прогулки, не мог понять, почему хозяева не пускают его в дом, — но ни один человек в этом поселке не был разбужен.

Ничего этого не было известно Никанору. Он продолжал со всей ответственностью нести свою вахту, даже не подозревая, что в опасной близости от него происходит что-то в крайней степени важное и необычное.

Никанор в который раз поднял глаза и неодобрительно посмотрел на маленькое зарешеченное окошко подвала, находящееся под самым потолком. Ночь выдалась исключительно неприятная. От сильного ветра грязное, замутненное стекло противно дребезжало, так что все время казалось, что кто-то постукивает в окно и тут же прячется. На серо-черном небе напрочь отсутствовали луна и звезды, а это, по мнению Никанора, было неправильно и весьма подозрительно.

От сквозняка у Никанора прихватило спину, и это казалось ему зловещим предзнаменованием — еще один знак того, что непременно должно что-то случиться.

Но хуже всего, что сегодняшнее дежурство в подвалах Никанору предстояло отбывать в одиночестве — как назло. Обычно кто-то обязательно приходил ночью, чтобы проверить, все ли в полном порядке. Но сегодня можно было на это не рассчитывать: беспощадный ветер на пустыре поднимал в воздух мусор и пыль, создавая столбы смерча и как будто предостерегая всякого от ночных походов.

Кряхтя и проклиная на чем свет стоит эту погоду, Никанор встал со своей табуретки, взял в руки связку ключей, деревянную палку, большой фонарь и отправился на осмотр территории. Миновав пару коридоров и пару подвальных помещений, Никанор оказался наконец в маленькой темной комнатке, где на стене, на гвоздях, висело несколько круглых черных печатей. Старинные сургучные печати были сделаны довольно хитроумно: их нельзя было сломать. Обычный камень и тот по сравнению с такой штукой показался бы глиной. Никанор неприятно ухмыльнулся, снял одну из печатей, накиннул на руку веревку, к которой печать была прикреплена, и продолжил свой путь.

Добравшись до нужной двери, Никанор с досадой глянул в сторону еще одного дребезжащего подвального окна. Мимо окна со стороны улицы пробежала черная кошка и тут же исчезла.

«Подозрительно», — промелькнуло в мыслях у Никанора.

Он покачал головой и нехотя отодвинул железный засов. Одним из ключей открыл замок и потянул тяжелую дверь на себя.

Они были здесь — узники, надежно запертые в клетки, из которых не было ни малейшей возможности выбраться.

Конечно же, Никанор догадывался, кто эти люди, но предпочитал делать вид, что ему это неизвестно. Такое отношение к работе казалось ему очень разумным и верным: его дело сторожить, а об остальном пусть думают другие. Но в глубине души Никанор ничуть не сомневался, что эти люди в клетках заслужили

самую незавидную участь, которая их, несомненно, и постигнет.

Проходя мимо клетки с первым узником, Никанор бросил на него быстрый взгляд: худой, волосы неряшливо свисают на лицо, глаза впалые, а вокруг них темные, серо-синие круги.

«Ну и вид, — подумал про себя Никанор. — Жалкое, однако, зрелище».

Следующий узник, похоже, спал. Или, может быть, даже умер. Он был укрыт брезентовой курткой, которая скрывала его лицо и руки.

«Хорошая куртка, — отводя от него взгляд, подумал Никанор. — Надо было снять. Пригодилась бы. Ничего, успею еще».

Поднимая взгляд на следующего узника, Никанор вздрогнул. Воздух застрял у него где-то между гландами, он шаркнул ногой, уже ступившей было вперед, и в нерешительности остановился. Узник смотрел прямо на Никанора, и от острого, холодного взгляда у ключника чуть не выпала из рук веревка с сургучом. Взгляд этот ему совсем не понравился. Жутковатый взгляд, говоря по правде, — злой и непокорный. Этот не попросит о пощаде, как пить дать.

В другой раз Никанор, конечно, не стал бы подходить к тому, чей взгляд его так напугал. Но сейчас загвоздка была в том, что Никанор должен был надеть черную печать как раз на этого самого узника. А что, если он вздумает его за руку схватить? Ведь по всему видать — опасный тип. Правда, на этот случай у Никанора была палка, но все же было как-то не по себе: слишком уж недобрым показался Никанору взгляд.

Ключник подошел поближе и вытянул руку с сургучом. Узник посмотрел на эту руку, потом на Никанора, и тут произошло неожиданное. Никанор уже думал, а не лучше ли обойтись без этого и просто бросить сургуч на пол клетки, но узник спокойно наклонил голову, подставляя шею для веревки с печатью. Никанор сначала растерялся, но, быстро опомнившись, накинул веревку на шею узника и немедленно отошел от клетки на безопасное расстояние.

Он облегченно выдохнул и, чувствуя на себе взгляд узника, поспешил покинуть комнату. Дрожащими от волнения руками он вернул на место железный засов, повернул ключ в замке и с чувством выполненного долга пошел вдоль коридора к своему табурету с шаткими ножками.

Но не успел он пройти коридор и завернуть за угол, как раздался такой грохот, что Никанор от испуга вжал голову в плечи и зажмурил глаза, испугавшись, что на него вот-вот рухнет потолок. Но когда через несколько секунд Никанор понял, откуда именно донесся грохот, он весь побелел от ужаса и, развернувшись, помчался обратно.

Никанор долго не мог попасть ключом в замок. Когда он наконец открыл его и попытался отодвинуть засов, то из-за того, что сильно нервничал, уронил тяжелый железный брусок себе на ногу. Он завыл от боли, но, героически стерпев, поспешил открыть дверь.

Картина, которая предстала его глазам, была настолько невероятной, что Никанор открыл рот и долго так стоял, не в силах ни шевельнуться,

ни закричать, а только лишь тихо и жалобно простонал. Одна из клеток была словно разорвана на части — по всей комнате были разбросаны железные прутья, а узника, который в ней находился, не было. Того самого узника — с черной печатью на шее. Его не просто не было в клетке или даже возле клетки — его вообще не было в комнате. И это несмотря на то, что здесь не было окон, а дверь была надежно заперта. Но как бы там ни было, а узник исчез, словно просочился сквозь стены.

На подкашивающихся ногах Никанор бросился вон из комнаты. Он шел не останавливаясь и так быстро, как только мог, петляя длинными извилистыми коридорами.

Остановился он у старого телефонного аппарата с треснутым пластмассовым диском, поднял трубку и дрожащим пальцем прокрутил диск, набрав подряд несколько цифр. Когда в трубке послышались длинные гудки, Никанор дождался третьего и вернул трубку на рычаг.

Сделав все что мог, Никанор сел на стул возле аппарата и, вынув из кармана носовой платок, принялся вытирать взмокшее от пота лицо. Зная, что теперь ему остается только ждать, Никанор, как будто уговаривая себя, вслух произнес:

— Хуже уже не будет. Если уж что стряслось, так хотя бы одно во всем этом радуется: больше уже наверняка ничего приключиться не может.

Так говорил себе Никанор, но он ошибался.

Ведь в то время, когда Никанор поворачивал телефонный диск нужное количество раз, он не мог видеть, как за его спиной на оконном

стекле замелькали тени и несколько человек в длинных одеждах, ступая быстрыми осторожными шагами, прошли мимо окна.

Не мог видеть Никанор и того, что лающая в поселке собака при виде таинственных и темных фигур, появляющихся из ниоткуда на проселочной дороге, как будто по приказу перестала лаять и послушно улеглась на подстилке возле дверей, за которыми по-прежнему крепко спали ее хозяева.

В тот же самый момент Никанор вдруг подумал, что есть еще кое-что, чего он не сделал. Как только эта мысль пришла ему в голову, Никанор поднялся с табуретки, вернул в карман мокрый платок и подошел к двери, которая вела на улицу. Никанор осторожно приоткрыл дверь, так чтобы можно было просунуть в щель голову и осмотреться.

На улице было спокойно: тихо и никого вокруг. Он открыл дверь пошире, старательно вглядываясь в темноту. По правде сказать, Никанор и сам не знал, хотел ли он обнаружить сбежавшего узника, но долг заставлял его сделать все от него зависящее. Ничего не углядев в темноте, Никанор уже собирался уйти обратно, как вдруг подумал: что-то не так. И сразу же понял что, и это ему совсем не понравилось.

Никанор только успел мысленно спросить себя, куда же делься ураганный ветер и по какой такой неясной причине пыль больше не стоит столбом на пустыре, как вдруг в воздух взметнулось что-то темное и стремительно прыгнуло прямо на него.

Громко взыв от боли, Никанор отскочил от двери. Кто-то с очень острыми когтями вцепился ему в лицо и отпрыгнул в сторону. Обернувшись, в темноте коридора он увидел два сияющих желтых глаза, которые пристально за ним следили.

— Прочь отсюда! Брысь, тебе говорю! — крикнул он черной кошке, ответившей ему шипением, но при этом не сдвинувшейся с места.

Никанор схватил стоящий у входа табурет и, замахнувшись, бросил его в кошку. Но табурет на полпути совершил в воздухе немислимый пируэт, отлетел в сторону и, ударившись о стену, с треском развалился на части. К ногам Никанора упала деревянная фигурная ножка с торчащими вверх гвоздями.

— Боюсь, что этого я никак не могу позволить, — сказал громовой голос за спиной у Никанора.

Никанор резко обернулся. В дверях стояли трое людей в длинной одежде с капюшонами. Один из них был низкорослым, как карлик. Никанор подался назад, задрожав всем телом. Он хорошо знал, кто эти люди. Уж он-то знал...

— Не нужно бежать, — теперь уже спокойно и тихо сказал все тот же голос, и Никанор понял, что он принадлежит высокому человеку, стоящему впереди двух своих спутников. Из-под капюшона на Никанора смотрели яркие зеленые глаза. Никанору даже показалось, что они, словно фосфорные, светятся в темноте. Точно так же, как и желтые глаза кошки. Так он подумал, когда, не обращая внимания на совет, продолжал отступать. Но далеко уйти не удалось.

В спину что-то воткнулось, Никанор хрипло охнул и отскочил, одновременно оборачиваясь.

— Сказано же было — не бежать! — звенящим голосом сказала непонятно откуда взявшаяся девица с конским хвостом на макушке и очень дерзким видом. Она предостерегающе сдвинула брови и отрицательно покачала головой: — Вот только не надо глупостей.

— Вы что это себе позволяете?! — сквозь страх прикрикнул на незваных гостей Никанор, пытаясь не обращать внимания на то, что его колени предательски дрожат. — Вы мне по какому праву угрожаете?!

В последний момент его голос сорвался и, вместо того чтобы грозно прокричать, он провизжал тонким, визгливым голоском:

— Вон отсюда!!!

— Владыка, а что, он прав, — сказала девица, обращаясь к высокому с зелеными глазами. — И правда, зачем тратить время на угрозы? Одним негодяем меньше...

Девица с пугающей быстротой метнулась в сторону Никанора, но тот, кого она назвала Владыкой, поднял ладонь, останавливая ее.

— Нет, Акулина. Мы не будем его убивать. Мы пришли сюда не за этим.

Он протянул руку к Никанору.

— Ключи.

Никанор сжал связку в кармане так, что ключи, ударяясь друг о друга, зазвенели.

— Он сам не отдаст, гарпию ему в печень! — гаркнул хриплым голосом карлик, сверкая темными, страшными глазами. — Подвесить его за ноги — само вывалится. Всех делов-то.

Но по взгляду Владыки Никанор понял, что он не намерен подвешивать его за ноги. По крайней мере — пока.

— Я не хочу брать силой, — сказал он, — но, как вы, наверное, сами понимаете, мне не составит труда это сделать. Лучше отдайте добровольно.

Никанор понимал, что этот человек прав: против них ему самому никак не справиться. Неуверенной рукой он вынул связку из кармана, и тотчас ее выхватил карлик. После чего без излишнего промедления оба спутника Владыки быстрым шагом направились по коридору вглубь подвалов.

Никанор вдруг заметил какое-то движение. Он устремил взгляд туда, где, как ему показалось, что-то шевельнулось, и тут же в крошечном квадрате подвального окна увидел, что к фабрике через пустырь бегут люди. Никанор ухмыльнулся со злорадством. Именно этого он и ждал. Три гудка — сигнал тревоги. И на такой сигнал должны были прийти все, кто мог.

— Зря радуетесь. Ваш план провалился, — глумливо сказал он. — Сюда уже идут. И их очень много, а вас всего четверо.

Акулина быстро подняла глаза на Владыку, но тот никак на это не отреагировал, как и на слова Никанора. Глядя на его лицо, можно было подумать, что все это его совсем не тревожило, — оно оставалось спокойным и безучастным.

— Вы что, не слышите, что говорю? — повысил голос Никанор, не отводя взгляда от ярко горящих в темноте зеленых глаз: это спокойствие вывело его из себя. — Вам отсюда не уйти,

слышите?! Они сейчас придут и расправятся с вами!

Владыка чуть заметно улыбнулся.

— Вы, по всей вероятности, имеете в виду этих? — сказал он все тем же негромким, как будто намеренно приглушенным голосом.

Он стоял спиной к окну, но Никанор каким-то образом понял, что этот человек имеет в виду происходящее позади него — как будто он мог видеть сквозь собственный затылок. Никанор перевел взгляд к окну и в ужасе задохнулся от увиденного, чувствуя, как по ногам пробежала крупная дрожь.

Кучка людей сгрудилась в центре пустыря, а вокруг них смыкались плотным кольцом темные фигуры в длинных балахонах с широкими капюшонами, скрывающими их лица. Их было в два раза больше, чем тех, других, в центре.

— Думаю, не ошибусь, если предположу, что ваши друзья не смогут прийти к вам на помощь, — сказал Владыка уже без улыбки, и Никанору на мгновение показалось, что в ярких зеленых глазах промелькнуло что-то вроде сожаления, как будто ему было неприятно то, что происходит. Правда, Никанор тут же эту мысль отбросил, потому что со страхом подумал о другом: что же его ждет, если вызволять его отсюда некому? Никанор, не удержавшись, скользнул вдоль стены по направлению к выходу.

— Стой, где стоишь, или я сейчас превращу тебя в новый стул, вместо того, которым ты запустил в меня, — на одном дыхании произнесла Акулина. — Хотя, боюсь, скверная из тебя получится мебель.

Никанор даже не подумал удивиться сказанному, хотя и прекрасно помнил, что запустил табуретом в кошку, а не в эту девицу. Он просто замер у стены, как и было приказано, несмотря на то, что ему ужасно неприятно было делать что-либо по указке какой-то соплячки.

В этот момент из глубины коридора послышались быстрые шаги. Это был карлик.

— Мы открыли все комнаты и освободили...— Он хрипло кашлянул и с виноватым видом добавил: — Кого смогли. Однако там есть одна комната, от которой на этой связке ключа не имеется...

— Прозор?! — Владыка перевел взгляд на своего второго спутника. Тот почти нес одного из узников, перебросив через плечо его руку и обхватив его за пояс.

— Этот жив, — сказал он. — Но одна из клеток как будто разорвана изнутри. Думаю, кому-то удалось бежать.

— Бежать? — удивленно повторила Акулина.

— Я не знаю, как он это сделал, но могу поклясться, что так оно и есть.

— Это сейчас неважно, — спокойно сказал Владыка. — Он помог себе сам, а мы должны спасти других. Именно за этим мы здесь.

— Владыка, у той двери, которая нам нужна, особый замок, — сказал Прозор, — и ключ для него нужен совершенно особый.

Владыка повернулся к Никанору, и под его пристальным взглядом тот вжался в стену.

— Других ключей у меня нет, — прохрипел Никанор, — и не было. Где хотите — там и ищите.

— Прозор... — Владыка взглядом подал своему спутнику какой-то знак и еле заметно кивнул головой, после чего тот повернулся к Никанору, двумя пальцами спустил с глаз очки и поверх прозрачных стекол пристально на него посмотрел.

Тут Никанор почувствовал легкое головокружение, как будто кто-то сдавил ему виски. Он не выдержал и громко ойкнул.

— Врет, — коротко сообщил Прозор Владыке, возвращая очки на место.

Двое других спутников Владыки угрожающе повернулись к Никанору.

— Прозор знает, что говорит. Он всегда все знает. Таких гнусных типов, как ты, насквозь видит, — сказала Акулина, неспешными шагами направляясь к ключнику.

— И если говорит, что ты врешь, значит, как пить дать, врешь! — хрипло прорычал карлик, приближаясь с другой стороны. — Ну что, фурия тебя возьми... Сам отдашь? Или заставить?

— Он хочет побыть мебелью, — прищутив левый глаз, сказала Акулина.

Никанор судорожно вздохнул, справляясь с нахлынувшей волной страха. На какую-то долю секунды он представил себя старым скрипучим стулом с шатающимися ножками. Сомневаться в том, что эта дерзкая девица свое обещание превратить его в табурет выполнит, не приходилось.

Дрожащей рукой, с трудом преодолевая страх, какой прежде Никанор еще не испытывал в своей жизни, и сильнейшее нежелание